

Ирина Мельникова

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВО

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВО

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии А. Зининой

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Стихийное бедствие : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-223732-4

Телеведущая Ксения Остроумова приехала в небольшую азиатскую республику собрать материал для своей новой передачи. Ей обещали встречу с президентом, но обманули. Поездка явно не задалась: передача не получилась, вылет в Москву отложили, ребята из ее группы как сквозь землю провалились...

Бывший разведчик Максим Богуш только что установил охранную систему в президентском дворце и понимал — ему будет непросто покинуть республику, ведь он слишком много знает. Вечером в баре гостиницы он увидел потрясающе красивую женщину. Они ушли вместе и провели незабываемую ночь. Но утром незнакомка исчезла, так и не назвав Максиму своего имени...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-223732-4

*Александру Бушкову —
с признательностью*

Все происходящее в романе — плод авторской фантазии, возможные совпадения с реальными событиями и людьми абсолютно случайны.

ПРОЛОГ

Ксения сладко потянулась и неожиданно для себя рассмеелась. Похоже, хандра, обуявшая ее после нескольких очевидных проколов и нудных разборок с начальством, наконец оставила Ксению в покое.

Она подпрыгнула несколько раз на месте. Когда-то в детстве ей казалось, что так она быстрее подрастет, теперь же просто проверила эластичность мышц. Сделав пару энергичных взмахов руками, спрыгнула с крыльца, минуя ступеньки. И отметила про себя, что для своих сорока проделала это не менее лихо, чем ее Катька.

Запрокинув голову, Ксения посмотрела на окна мансарды, где спала ее восемнадцатилетняя дочь, Екатерина Афанасьевна Остроумова, вернувшаяся с деревенской дискотеки далеко за полночь. И, судя по количеству децибел, свалившихся среди ночи на уши ее бедной матери и бабушки, давно привыкшей к внучкиным проделкам, Катьку провожало не меньше десятка местных кавалеров на своих давно забывших о глушителях, рычащих и плюющихся выхлопными газами механических чудовищах о двух колесах.

Несмотря на прерванный сон и небольшой воспитательный скандал с Катькой, Ксения не изменила давней привычке и поднялась до восхода солнца, чтобы пробежаться по уходящей круто в гору лесной тропе. Та началась сразу за огородами, примыкавшими к забору дачи, резво взбегала на песчаный увал, с которого открывался

удивительный вид на заречные луга, редкие перелески и вырастающие прямо из облаков далекие громады гор.

Ксения оглянулась на стену соснового бора за спиной.

Он окружал село с трех сторон, и сейчас верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца. Где-то, в самой глубине леса, робко и глуховато прокуковала кукушка. Вслед ей негодуяще прокричала сорока и, снявшись с куста, ринулась с увала вниз к огородам, где уже виднелись спины неугомонных соседок, решивших до того, как день разгуляется, выполоть первые сорняки на грядках.

Ксения вдохнула полной грудью свежий, настоящий на молодых травах воздух. Кожа на обнаженных до локтя руках покраснела от утреннего холода. А стоило ей остановиться, он тут же пробрался под футболку и точно ожег кожу. Ксения зябко поежилась и, чтобы согреться, ускорила шаг.

Хорошо натопанная, усыпанная сухой хвоей тропа вилась меж прямых, как свечки, сосен. Первые солнечные лучи едва пробивались сквозь густой подлесок, словно язычки пламени мелькали в траве марьины коренья и редкие куртины жарков — до них еще не добрались жадные руки ребятни, всюю торгующей цветами на автобусной остановке и вдоль трассы. Надо сказать, что цветочная продукция шла нарасхват. Ксения тоже иногда покупала букетики стиснутых в плотный пучок цветов.

Но то были незабудки. Ксения освобождала их от стянувшей стебли резинки, расправляла и опускала в широкую вазу, так что цветы почти плавали в воде. Крошечные капельки бирюзы, окаймленные зеленью листьев, были чудо как хороши на фоне белоснежной скатерти.

Незабудки Ксения любила с детства. По весне стоило только пригреть солнцу, как пойменные луга затягивало нежной голубизной. Девушки плели из них венки на

Троицу и в ночь на Ивана Купалу, а потом опускали на воду, чтобы узнать, сбудутся ли их тайные мечты о счастье. Венки уплывали, а вслед за ними уплывали и терялись вдали робкие девчоночьи надежды. И все равно школьницей Ксения исправно собирала незабудки, и плела венки, и мечтала... слишком много мечтала, чтобы этому суждено было сбыться. Но незабудки всегда стояли на ее письменном столе с самой весны до первых осенних заморозков. Не подснежники, не жарки, не ромашки, а именно незабудки — скромный подарок сибирского лета.

Ксения присела на низенький пенек и вытянула вперед руку с кедровыми орехами на ладони. Тотчас крупная рыжеватопепельная белка скользнула вниз по стволу ближайшей сосны. Оказавшись на земле, она смело приблизилась к руке и, ловко подхватывая передними лапками с ладони Ксении орехи, принялась запихивать их за щеку. За этим занятием зверек не забывал то и дело поглядывать в сторону дерева. И вскоре двое бельчат вслед за мамашей приблизились к пеньку и суетливо забегали неподалеку, выказывая тихим свистом возбуждение от предчувствия близкого завтрака.

Женщина протянула ладонь в их сторону. Бельчата тут же отскочили в сторону, замерли в настороженной стойке с поднятыми вверх головками, испуганно поблескивая глазенками-бусинками. Тогда Ксения поднялась с пенька и высыпала на него остатки орехов.

Белка в компании со своим потомством тут же юркнула в траву. Ксения засмеялась. Все равно вернутся, и через секунду после ее ухода на пеньке даже запаха орехов не останется.

Она пошла в гору чуть медленнее — начался самый крутой участок подъема. Здесь тропу, словно вздувшиеся вены, пересекали корни сосен, более разлапистых и коренастых, чем те, что росли у подножия увала.

Перепрыгивая через корни и редкие камни, Ксения одновременно считала пульс. Хорошо, уже не зашкаливает за сотню ударов в минуту, как в старые добрые времена, а бьется в режиме девяноста. А если учесть, что сегодня она двигалась в более быстром темпе, чем неделю назад, сразу после возвращения в Григорьевку, то и отлично! Здесь, на берегу Енисея, рядом со старыми крайкомовскими дачами, вознеслась «Сиротская слобода» — целый городок богатых особняков, на фоне которых добротная двухэтажная дача ее матери — Клавдии Михайловны Потехиной, бывшего председателя партийной комиссии крайкома партии, — смотрелась, по словам хозяйки, не иначе как хужиной дяди Тома.

На жалобы Клавдии Михайловны по поводу убогости своего жилища, которое она по привычке называла «дачей», ни Ксения, ни Катька внимания не обращали. Дочь — по причине нечастых приездов домой, когда особо нуждалась в отдыхе и тишине. Внучка редкие визиты бабушкиных друзей полностью компенсировала за счет собственных — громкоголосых молодых людей с непомерными амбициями и длинноногих девиц со слабым намеком на интеллект...

Задумавшись, Ксения не заметила, как тропа взлетела на вершину и затерялась среди камней, покрытых розовым ковром из цветущего чабреца. Здесь она обычно сбрасывала футболку и делала зарядку, совершенно не заботясь о том, что кто-то увидит ее обнаженной. «Сиротская слобода» спала чуть ли не до полудня, и за все время пребывания в Григорьевке Ксения так и не увидела никого из местных обитателей в этот час на тропе, которую давным-давно избрала для пеших прогулок.

Утренние процедуры обычно заканчивались умыванием в ручье, берущем свое начало где-то в камнях.

Противоположная сторона увала была более пологой и менее лесистой. Она заросла мелким кустарником и была загромождена плитами желтого песчаника. Их Ксения перемахивала на бегу, надеясь, что со стороны это выглядит достаточно грациозно. Профессиональная привычка постоянно видеть себя глазами других частенько мешала ей наслаждаться жизнью в полной мере. Но, с другой стороны, жесткий контроль за внешностью и эмоциями позволял ей чувствовать себя чуть ли не ровесницей дочери. По крайней мере, в ее майки и джинсы Ксения влезла бы без особых осложнений, не будь Катерина на добрую голову выше своей мамы.

Хорошее настроение превращалось в отличное. Представив на секунду физиономию продюсера своей программы, Ксения раскрутила над головой майку и, расхохотавшись, прибавила скорости. Видел бы Егор, как она мчится по склону с голой грудью и в едва заметных на загоревшем до черноты теле трусиках! Ей захотелось крикнуть во весь голос что-нибудь веселое, лихое, и она ничуть не удивилась возникшему вдруг восторгу. Просто сегодня ей приснился удивительный сон.

Она не помнила его, только чувствовала отчего-то необыкновенное счастье. Это ощущение так долго не посещало ее! Видно, особых причин для его визитов не было.

Майка внезапно зацепилась за куст, и Ксения едва не растянулась на камнях, успев представить, сколько ссадин и синяков продемонстрирует в первую же ночь Егору. За три дня, оставшихся от отпуска, они только-только расцветут во всей красе.

Она выругалась и потянула майку на себя. Та не поддавалась, а рвануть сильнее значило оставить на шипах боярышника большую часть своего утреннего наряда.

Ругаясь, теперь уже шепотом, Ксения полезла в самую гущу кустарника и принялась осторожно снимать зацепившийся рукав футболки с колючек. Об одну из них она не преминула уколоть палец и, слизнув с него капельку крови, подумала, что даже эта мелкая неприятность не способна испортить ей настроение.

Но новое испытание в виде звука раздавшихся за спиной шагов заставило Ксению застыть на месте от ужаса. Человек поднимался снизу, из легкого облака тумана, нависшего над ложбиной, отделявшей увал от села. Вернее, он бежал вверх по склону, что-то насвистывая себе под нос и перепрыгивая с камня на камень, точь-в-точь как Ксения за пару минут до этого.

«О, Матерь Божья! — подумала она, притягивая к себе футболку и пытаясь хоть как-то прикрыть грудь. — Кого тут носит в такую рань?»

Повернувшись спиной к тропе, она молила бога, чтобы человек пробежал мимо, не заметив ее.

Она всегда боялась нелепых ситуаций и вовсе не желала оказаться жертвой насмешек или злорадных ухмылок.

Но мужчина, похоже, уже притормозил за ее спиной, и она не выдержала, оглянулась, изо всех сил презируя себя за робкую, почти заискивающую улыбку, которую ей так и не удалось согнать с лица.

— Физкульт-привет! — неожиданно для себя проблеяла она.

Но мужчина не ответил, лишь молча окинул ее равнодушным взглядом, вытер висевшим на шее полотенцем пот с лица. И, не проронив ни слова, помчался дальше по тропе.

Ксения с остервенением дернула футболку, оставила часть рукава колючкам, остальное напаялила на себя. Ее трясло от злости. И вовсе не оттого, что предстала пе-

ред незнакомцем в нелепом виде, а потому, что впервые в жизни не увидела в мужских глазах восхищения. Хотя бы пошутил над ее растерянностью, пусть даже самым неприличным образом. Такое она бы перенесла и ответить сумела бы нужным образом! Но этот негодай, похоже, через пару метров уже забыл о ее существовании. Иначе бы оглянулся, и не один раз, как делали все мужчины, которых она встречала в жизни, даже случайные прохожие, даже нищие в метро...

Сердито бормоча себе под нос ругательства, Ксения быстрым шагом спустилась к мостику через ручей, который превратился на дне ложбины в неширокую, но бурную речушку. И уже через четверть часа поднималась на крыльцо веранды, только тогда осознав, что совершенно не помнит лица невежи, который даже поздороваться не соизволил. Лучше всего она запомнила его спину, загорелую и мускулистую. Именно такие спины она терпеть не могла.

Было что-то нарочито искусственное в этих, словно из анатомического атласа, рельефно выступавших и перекатывавшихся под кожей мышцах. «Наверняка местный тупой качок, — подумала она с удовлетворением и мстительно добавила, про себя естественно: — К тому же, как и вся эта братия, импотент!» Хотя интуиция ей подсказывала, что с последним определением она несколько поторопилась.

Ксения нагнулась и подняла со ступенек слегка увядший букет полевых цветов, усмехнулась. Кто-то из Каткиных кавалеров расстарался. Налив воды в вазу, она поставила в нее цветы и присела на веранде в плетеное кресло, позволив себе минутную передышку перед тем, как отправиться в душ.

Какое-то странное чувство не давало ей покоя с первого момента встречи с незнакомцем. Оно тревожило ее и мешало сосредоточиться.

Ксения попыталась расслабиться и перевести мысли в другое русло. Она выглянула в окно. Крупный, с обмороженными ушами и круглой сытой физиономией кот по кличке Сенька сидел на крыше беседки и безмятежно щурился на солнце. Всем своим видом он демонстрировал лень и полное равнодушие к окружающей его действительности. Но как-то раз Ксении удалось наблюдать, как он охотился на воробьев, сбивая их на лету лапой. Поэтому об умении Сеньки прикидываться простачком и чуть ли не инвалидом в угоду инстинктам она знала не понаслышке.

— Ксюша, завтракать будешь? — подала голос из своей спальни Клавдия Михайловна. — Пирожки на кухне, под полотенцем...

— Хорошо, мама, обязательно позавтракаю, но чуть позже, — отозвалась дочь.

Она хотела добавить, что будет сегодня работать над сценарием до наступления жары, но не успела. Кот потянулся, демонстрируя черную, как антрацит, спину. Мелькнула белая манишка, и Ксения вдруг подавилась словами.

Она вспомнила, что обеспокоило и поразило ее в облике незнакомца — белая прядь на фоне темных, очень коротко стриженных волос...

ГЛАВА 1

После захода солнца жара по-прежнему была невыносимой. О кондиционерах здесь, видно, не слышали, а старый вентилятор, подвешенный к потолку, просто гонял горячий сухой воздух по комнате, отчего обслуга и немногочисленные посетители бара чувствовали себя одинаково плохо. Даже вездесущие мухи отупели от жары и не летали, а вяло плюхались с потолка прямо в бокалы с пивом и вином. А те, что вздумали полетать, натыкались на стены и падали на пол в коматозном состоянии.

Их мрачное жужжание было под стать местным заунывным мелодиям и очень соответствовало ее гнусному от усталости и жары настроению.

Ей безумно хотелось минеральной воды с ломтиком лимона, пронзительно холодной — чтобы ломило зубы. Но вместо этого приходилось довольствоваться смахивавшей по вкусу на жидкое мыло пепси-колой. И даже одобренная коньяком, она категорически не хотела улучшать свой вкус. Коньяк был «самопалом», как и остальные напитки в баре, которые ребятам ее съемочной группы удалось перепробовать за неделю пребывания в Ашкене.

Еще ей хотелось прохладную ванну с шалфеем или лавандой, удобный матрас и белоснежные простыни... Но все это осталось за тысячу километров, в далекой московской квартире. А здесь ее ждала еще одна жуткая ночь в ашкенской гостинице «Мургаб».

В этой крошечной, едва заметной на карте горной стране и в былые-то времена жилось несладко. Лет десять назад Ксения останавливалась в этой гостинице, и уже тогда ее поразили грязь и убогость номеров. Сейчас все изменилось, только в худшую сторону. Конечно, можно пережить и ветхие полотенца, которые выдают в единственном экземпляре, и падавшую на постель штукатурку, и отсутствие пары стекол в оконной раме, и тонкую ржавую струйку воды, и горевшие откровенной ненавистью взгляды горничных...

Но больше всего Ксению раздражало, что в Ашкене в одночасье «забыли» русский язык, и со всеми, даже с чиновниками, приходилось объясняться на дикой смеси местного диалекта, русского мата и нескольких английских фраз вроде «о'кей!» и «ноу проблем!».

Оператору Володе и Олегу, режиссеру ее авторской программы «Личное мнение», было искренне наплевать и на грязные простыни, и на мрачные физиономии прислуги. Им было с чем сравнивать. Целый месяц они провели на Ближнем Востоке, правда в команде с другим тележурналистом, ее сотоварищем по программе Сережей Кунцевым. Ее же Егор попросил не беспокоиться, объяснив, что Интифада не для нежной женской психики. Ксения обиделась, пыталась возразить, но ее, в порядке компенсации, отправили во Францию на Всемирную выставку, где она чуть было не влюбилась в английского журналиста с труднопроизносимой фамилией Никлдортер. Но любовь расстроилась не начавшись, потому что Ксению спешно затребовала Москва. Всенародно избранный на второй срок президент маленького Баджужстана, столицей которого и был Ашкен, дал согласие на съемки фильма о его республике, но при условии, что этим займется Ксения Остроумова, дочь его бывшей однокурсницы по ВПШ.

Конечно, все прекрасно понимали, что в нищей, разоренной бесконечными междоусобными войнами и правительственными переворотами мусульманской стране вряд ли позволят снимать то, что заблагорассудится приглашенным телевизионщикам. Но Ксения помнила дядю Фархата, веселого, толстого, усатого. Помнила, как хотя бы раз в год он обязательно заваливался к ним домой с парой огромных дынь под мышкой и с корзиной винограда, гранатами и таявшими от одного прикосновения языка медовыми грушами. Поэтому и согласилась на эту predetermined неудачу, лишь самую малость надеясь на то, что дядя Фархат остался прежним — громкоголосым и шумным, теперь уже бывшим секретарем обкома, который смеялся по поводу и без повода, дарил матери шитые золотом парчовые халаты, а Ксюше — очередную тюбетейку, тапочки с причудливо загнутыми носками или затейливые серебряные браслеты в виде змеи и вытянувшегося в прыжке барса. Благодаря ему она полюбила серебро и с тех пор предпочитала его другим благородным металлам.

Она не видела дядю Фархата восемь лет и вряд ли узнала бы, но прямо с аэродрома всю их группу привезли прямо во дворец, чтобы представить президенту Фархату Арипову...

Ксения, сильно переживавшая из-за слипшихся от жары волос, превративших прическу непонятно во что, и промокшей от пота майки, была приятно удивлена приглашением принять ванну и переодеться, прежде чем предстать перед ясны очи дяди Фархата.

Володя и Олег по ее примеру называли Арипова «дядей» и были несказанно удивлены, когда их к президенту не допустили, а велели дожидаться Ксению в одной из комнат в компании двух бритоголовых телохранителей в европейских костюмах и с японскими рациями в руках. Таким образом власть Баджустаана давала понять, что хотя

российских журналистов и пригласили в республику, но делать, то есть снимать, позволяют только то, что позволяют.

Во-первых, к ним сразу приставили охрану и переводчика Керима, который каждый вечер, не стесняясь, заявлял о необходимости сбросить объективку по итогам дня и избавлял их на некоторое время от своего назойливого внимания.

Во-вторых, им не позволили отправиться в горы для встречи с лидером оппозиции Сулейменом Рахимовым, хотя этот пункт был неременным условием договора. Иначе руководство телекомпании не дало бы согласия на поездку съемочной группы в Баджустан. Им просто сказали, что Рахимов, кажется, погиб недавно в горах, и, кажется, при сходе лавины...

В-третьих, им разрешили проводить съемки только по заранее утвержденному президентской администрацией плану, отступить от которого было нельзя.

Кроме переводчика, съемочную группу всегда сопровождал кто-нибудь из пресс-службы, телохранители и еще один совсем уж незаметный человечек с острыми рысьими глазками. Он выступал в роли грузчика, но почему-то носил под курткой оперативную кобуру, и наверняка не с газовым пистолетом.

— Шаг влево — побег, шаг вправо — расстрел! — мрачно пошутил оператор, когда их ознакомили с правилами пребывания на территории суверенного государства Баджустан.

— А прыжок — провокация, — уныло добавил Олег.

Но Ксении было не до шуток. Командировка заканчивалась, отснятый материал был откровенной туфтой. Она представляла, с каким недоумением посмотрят на нее Егор и генеральный продюсер телекомпании Савва Крычев и как обрадуются ее проколу явные и тайные недоброжелатели.

«Личное мнение» и так держалось всего лишь на слове Егора и авторитете Ксении. И никому не было дела, каким образом она будет поднимать рейтинг своей программы. Баджустан мог вознести ее на вершину успеха, как Сережу Кунцева — Ближний Восток. Но судьба-злодейка в очередной раз сыграла злую шутку, и даже близкое знакомство с Фархатом Ариповым не помогло Ксении сделать искренний и правдивый фильм о событиях в Баджустане. Ей просто не позволили быть искренней и правдивой.

Конечно, они видели и снимали восстановленные школы, бывшие в центре города фонтаны, заваленные продуктами магазины, абитуриентов местного университета. Но более всего запечатались на пленке самого президента. Фархат Арипов был повсюду: то он беседовал с аксакалами из далекого аула, то красовался в кадре верхом на горячем аргамаке, а то лично поздравлял молодоженов или сажал дерево при закладке парка своего имени...

А ведь был и другой Баджустан, где расстреливали или забивали до смерти камнями без суда и следствия за любое проявление инакомыслия, где женщины вновь надели паранджу, где героин в открытую меняли на муку и сахар, где родители вынуждены были продавать старшего ребенка в рабство, чтобы прокормить остальных мал мала меньше. И десятилетнюю девочку видели, которую отдали четвертой женой местному криминальному авторитету, только что с небывалым даже для Средней Азии размахом отпраздновавшему свое шестидесятилетие...

Ксения прекрасно понимала, что фильм окажется полнейшим дерьмом и у нее будут крупные неприятности с руководством, но что-то изменить было не в ее силах. И она махнула на все рукой, предоставив событиям идти своим чередом.